

производителем мифологии. Таким образом, на всех уровнях существует неизбежный процесс *мифологизации истории*» (Voia 1997: 7).

Уже много позже, чем были написаны эти строки, автор вновь перечитал Ф. Ницше (*О пользе и вреде истории для жизни*, 3) и обнаружил там практически ту же мысль. Рассуждая о «критической истории» (суде потомков), Ницше приходит к неожиданному выводу, смысл которого не всегда замечается:

«Но это всегда очень опасная операция, опасная именно для самой жизни, а те люди или эпохи, которые служат жизни этим способом, т. е. привлекая прошлое на суд и разрушая его, суть опасные и сами подвергающиеся опасности люди и эпохи. Ибо так как мы непременно должны быть продуктами прежних поколений, то мы являемся в то же время продуктами и их заблуждений, страстей и ошибок и даже преступлений, и невозможно совершенно оторваться от этой цепи. Если даже мы осуждаем эти заблуждения и считаем себя от них свободными, то тем самым не устраняется факт, что мы связаны с ними нашим происхождением. В лучшем случае мы приходим к конфликту между унаследованными нами, прирождёнными нам свойствами и нашим познанием, может быть, к борьбе между новой, суровой дисциплиной и усвоенным воспитанием и врождёнными навыками, мы стараемся вырастить в себе известную новую привычку, новый инстинкт, вторую натуру, чтобы таким образом искоренить первую натуру. *Это как бы попытка создать себе a posteriori такое прошлое, от которого мы желали бы происходить в противоположность тому прошлому, от которого мы действительно происходим,* — попытка всегда опасная, так как очень нелегко найти надлежащую границу в отрицании прошлого и так как вторая натура по большей части слабее первой» (Ницше 1998: I, 180; выделено мной — Л. М.).

II.2. Парад «историй»

Я же тебе говорил, Всеобщую историю отрегулируют, очистят, выправят, усовершенствуют в согласии с принципами гуманизма, рационализма и всеобщей эстетики; сам, наверное, понимаешь, что, когда в родословной этакая бойня да резня, совестно лезть в компанию высоких космических цивилизаций!

С. Лем. *Звёздные дневники Ийона Тихого. Путешествие*
20

Среди самых последних случаев такого рода — экзотическая концепция А. Т. Фоменко и его соратников — М. М. Постникова, Г. В. Носовского и др.: история-де насчитывает всего 800 лет, всё остальное — результат злонамеренной фабрикации. При этом теория внешне весьма патриотична: и пирамиды-то построены «русско-монгольской ордой», и древний Рим — на самом деле Московская Русь в другом описании. В основе этого пересмотра истории лежат идеи народника Н. А. Морозова, который разрабатывал их во время 20-летнего заключения в Шлиссельбурге — не имея ни литературы под руками (тем более новой), ни возможности нормального научного обсуждения (см.: Новиков 1997; Шмидт 2003). Говорят, что Л. Н. Гумилёв, ознакомившись с трудами А. Т. Фоменко, определил его как яркого представителя антисистемы. Что это значит в устах Л. Н. Гумилёва, увидим позже.

Не менее яркий и плодовитый автор — американец Захария Ситчин (1998 {1976}). В результате многолетних исследований он «установил», что шумерские города были основаны несколько *сот тысяч* лет назад «Нефилимами» (Быт. 6:4, в Синодальном переводе «исполины») — пришельцами с 12-й планеты Солнечной

системы. Потом они же сотворили человека, передав ему свой геном, потом поделились с людьми своими знаниями, которые те записали в священных текстах Ближнего Востока... И всё хорошо объясняется: и туманные места шумерских текстов, и странные изображения, и исторические разрывы... Как и в «теории» А. Т. Фоменко, некоторые *отдельные* детали, непонятные в рамках классической науки (на «недоверчивость» которой автор жалуется чуть ли не на каждой странице всех своих книг), получают удачное объяснение — правда, за счёт затемнения того, что прежде было ясно. Так, непонятно, как могут существа с человеческими генами (то есть попросту люди) жить на планете с периодом обращения вокруг Солнца в 36 тысяч земных лет, причём в перигелии она подходит к Солнцу ближе Венеры, а на большую часть времени отходит от него в несколько раз дальше, чем Плутон. Ведь это означает перепады температур от +600 °С до почти абсолютного нуля. А именно такую орбиту приписывает этой планете З. Ситчин — как на основании шумерских текстов, в которых сроки царствований богов кратны 36 000 лет, так и для объяснения того, почему астрономы не видят эту планету сейчас. Ни одна земная форма жизни не выдержала бы таких условий. А если бы таковая и была — это не люди и даже вообще не белковая жизнь (белок ведь свёртывается уже при 42°С). А ведь шумерские тексты настаивают, что от этих «богов» и смертных женщин рождались дети (ср. Быт. 6:3—4), и З. Ситчин этому верит. Как это может быть, если, как известно из биологии, лишь спаривание особей одного вида (даже не рода) способно дать полноценное потомство? Это даже основной критерий для определения границ вида.

Нельзя сказать, что З. Ситчин просто беспочвенный фантазёр. Он привлёк громадный материал из разных отраслей науки, а шумерские тексты читает на языке оригинала (это заметно по его толкованиям, нередко удачным). Но его подводит ненаучная ориентация: он ищет не *фактов*, а *чудес*, он создаёт исторический миф. Известная логическая ошибка — «аргумент к незнанию»: «если ты не можешь доказать, что А, то должен согласиться, что Б». Если вера стоит впереди доказательств, то доказательства легко найти. В такую ловушку попадали и крупнейшие учёные.

Рядом с З. Ситчином может быть поставлен Друнвало Мельхиседек — «член Ордена Мельхиседеков», якобы лично беседовавший с египетским богом Тотом и несколькими ангелами (видимо, когда-то он читал Сведенборга). Теперь он пишет книгу за книгой о «древней мудрости», унаследованной (разумеется) от Атлантиды через посредство Египта и зашифрованной в «Цветке Жизни» — фигуре, которую он (бывший аспирант в Беркли) анализирует с помощью математических выкладок. Судя по тому, что его «орден» (или школа), по его же утверждению, имеет отделения в нескольких десятках стран, это не самый безвестный из авторов. Характерно, что «прозрения» и таинственные «гости» начали посещать его после войны во Вьетнаме, где он, по собственным воспоминаниям, был ранен. Это сразу напоминает о Петере Бендере — немецком военном лётчике, выдвинувшем «теорию полой Земли» после фронтовой контузии (см. подробнее: Повель, Бержье 1994: 303—310).

Кстати, и у П. Бендера, и у его соперника Ганса Гёрбигера — автора «теории мирового льда» (Welteislehre, см. подробнее: Повель, Бержье 1994: 259—281) — до сих пор есть последователи. Достаточно сослаться на сайт оккультного «Об-

щества Туле» (<http://www.thule.org>), сыгравшего немалую роль в формировании нацистского оккультизма. Членами этого общества, созданного в Мюнхене после 1-й мировой войны, были Д. Эккарт, Р. Гесс и, что особенно существенно для нашей темы, А. Розенберг (ЭТР 1996: ст. «Туле, общество»). Это общество существует до сих пор, а его сайт по-прежнему пропагандирует «теорию мирового льда» и ищет подтверждения выкладкам Г. Гёрбигера по поводу Тиауанако на базе современных научных данных (Zetl 1984).

Большинство этих «теорий» подаётся публике под рубрикой «изучения непознанного». Что понимается под этим последним словом? Непознаваемое? Но его по определению нельзя познать. Или именно непознанное? Тогда позволительно спросить этих авторов и их читателей: а чем ещё, по их мнению, занимается наука? Познанным? Так это сфера школьной педагогики. Не надо путать науку как сферу познания и науку как учебный предмет.

Или, может быть, под достижениями науки они имеют в виду чудеса техники? Но это — смешение понятий на детском уровне. Техника действительно занимается практическим применением того, что наука уже изучила. Но всё же это другая сфера, у них даже разные высшие ценности: для науки это — истина, для техники же — эффективность. Когда Ньютон открыл свои законы, он ещё не знал, какое применение найдут они в баллистике или в конструкции машин. А те, кто в его время пытались строить сразу машины, ничего не добились — помешал недостаток фундаментальных знаний. Очень точно сказал об этом Х. Ортега-и-Гассет (1989: № 3, 148):

«Наука угасает, когда люди перестают интересоваться ею бескорыстно, ради неё самой, ради основных принципов культуры. Когда этот интерес отмирает <...>, — техника может протянуть ещё короткое время, по инерции, пока не выдохнется импульс, сообщённый ей чистой наукой. <...> Техника сама по себе не может ни питаться, ни дышать, она — не *causa sui*, но лишь полезный, практический осадок бесполезных и непрактичных занятий».

Так что не тщитесь, господа, претендовать на особую роль — «познание непознанного»! Это место уже занято: только ради этой цели и существует наука.

В мартирологе исторических мифотворцев следует упомянуть академика Н. Я. Марра — создателя «яфетической теории». Сама по себе эта идея была действительно интересна и не лишена рационального зерна, и труды друга и соратника Марра — Ф. А. Брауна — в этой области вызвали живейший интерес лингвистов (Тункина 2000: 388). В его школе были талантливые исследователи — например, О. М. Фрейденберг, работы которой лишь недавно вновь были открыты для читателей. Но сам же Н. Я. Марр превратил «яфетическую теорию» из научной теории в предмет веры и обожествления себя как «корифея» и этим обрёл не просто на научное опровержение, но на разгром (в ходе сталинской «дискуссии по вопросам языкознания» 1950 г., до которой сам он, к своему счастью, не дожил). Отчасти извиняет его лишь душевная болезнь, поразившая Марра в конце жизни. Для нас, однако, важен не сам факт такого перерождения теории, не репрессии, обрушившиеся в СССР сначала на противников марризма, а потом — на самих марристов, а те методы работы, которые вывели яфетидологию за грань научности. Уже в 1925 г. Ф. А. Браун порвал с Н. Я. Марром. В последнем сохранившемся письме к нему он говорил:

«Твои статьи все — ряд блестящих афоризмов, которые, быть может, правильны, а быть может, и нет. Афоризм, однако, не есть научный вывод. Ты всегда только *утверждаешь*, иногда иллюстрируешь свой тезис несколькими примерами, но не *доказываешь*. Доказательства у тебя где-то есть, но ты их не приводишь, и ты сердисься, когда тебе не верят, — забывая, что твои читатели *не имеют права* верить тебе без проверки. Выходит, словно ты сознательно скрываешь свои доказательства, — быть может, по высокомерию: ты лично удовлетворён, а до других тебе дела нет, — пусть ищут сами <...>. Весь трагизм яфетидологии в том, что ты ставишь своих читателей перед бесформенной грудой материала и говоришь им: поройтесь, там всё есть!» (цит. по: Тункина 2000: 389).

Однако Ф. А. Браун сам стоял у истоков яфетической теории, её перерождение было для него личной трагедией. Со своей стороны, Л. С. Клейн, учившийся ещё в годы господства марризма, вспоминает:

«Я очень тщательно изучал четыре тома сочинений Марра. Начал я с убежденности, что Марр был гением, но (возможно, по своей натуре) я скептик, и должен добраться до самой глубины вещей. У Марра я не нашел обоснований и, в частности, никакой основы для методик. Я посещал лекции последователей Марра — академика Мещанинова и профессора С. Д. Кацнельсона на филфаке. Однажды я подошел к Мещанинову и сказал: “Иван Иванович, я прочел все четыре тома Марра и понял едва ли половину, всё остальное не понять”. Он ответил: “Ох, юноша, Вы очень счастливый человек. Меня он учил лично, а я принимаю едва ли четверть!”» (Клейн 2010: 49).

Проблема ведь не в том, есть ли в марризме рациональное зерно, а в том, что в такой подаче даже научная теория теряет свою научность, и тогда уже неважно, даже если автор поначалу действительно мог быть прав в некоторых частностях. Происходит то же, что с ремесленниками в платоновской *«Апологии Сократа»*: «оттого, что они хорошо владели искусством, каждый считал себя самым мудрым также и относительно прочего, самого важного, и эта ошибка заслонила собою ту мудрость, какая у них была» (*Ap.Socr.* 22d-e; Платон 1990: I, 75).

О ренессансе популярности Е. П. Блаватской и Рерихов можно даже не говорить — настолько он известен.

Равным образом можно не упоминать разнообразные националистические ревизии прошлого. Они слишком многочисленны, чтобы все их перечислить, а сам факт их постоянного появления уже банален. В качестве примера сошлёмся на В. А. Чудинова, утверждающего, что русский язык существует уже десятки тысяч лет, что на нём сделаны *надписи* на наскальных рисунках эпохи верхнего палеолита (!!) — эпохи, когда у людей вообще не было не только навыков письма, но даже и потребности в нём (любую значимую информацию в мелком коллективе можно было передать устным путём). Вот отрывок из интервью автора «открытия»:

«Вы знаете, что в пещерах Франции очень много изображений разных животных? И когда их начинаешь *умело обрабатывать*, потому что иначе надписи не видны, то оказывается, что на мамонте написано — “мамонт”, а на лошади написано “дил”! Отсюда появилось русское слово “коркодил”. Потому что схема словообразования одинаковая — “корковый дил” — конь из корки, а корка — чешуя. Поэтому у нас не искаженное английское или латинское слово, а, наоборот, латинское слово — это искаженное русское: было “коркодил”, а стало “крокодил”» (Савельева 2005, курсив мой — Л. М.).

С каких это пор лошадь по-русски — «дил»?! Но дело даже не в этом. Мораль понятна: «На всей территории от Великобритании до Аляски в каменном веке жили

русские»; «У русских из официальной истории просто отрезали 9 веков» (кстати, почему 9, а не 900, как следует из текста — ведь с верхнего палеолита почти до наших дней?); «Вся Евразия была занята не просто славянами, а русскими», но весь мир старается об этом забыть («Так, может, русские, славяне такие слабые, раз кто-то приходит и их вытесняет? — Они не слабые, они добрые»), и т. п. (там же). Есть дежурная ссылка на недоверие научного мира к теории, «ломающей привычные стереотипы». При этом сам автор — *не историк*. Он, как сказано в начале статьи, окончил физфак МГУ, кандидат физико-математических и доктор философских наук, занявшийся историей в свободное от первоначальной работы время. Теперь же В. А. Чудинов — «профессор кафедры культурологии и менеджмента в Государственном университете управления <...>, с 2002 г. — председатель комиссии по истории культуры Древней Руси Совета по истории культуры при Президиуме РАН» (там же), и даже «академик РАН» (http://www.ozon.ru/context/detail/id/2156860/?from=buyalso_1633320). (Заметим в скобках: почему история вдруг вошла в компетенцию РАН — Российской Академии *Естественных* Наук?) Такие переходы в чужую сферу с сенсационными «открытиями» хорошо известны в истории германской науки — точнее, антинауки. Вспомним: филолог Г.Ф.К. Гюнтер создавал «новое» учение о рацах, другой филолог-античник Г. Косинна реформировал археологию, инженер-строитель А. Розенберг — историю, инженер-металлург Г. Гёрбигер и лётчик Бендер — астрономию... А во главе всей системы стоял несостоявшийся художник, отставной ефрейтор, командовавший фельдмаршалами.

Ещё один академик РАН, Э. А. Поздняков, с 1994 г. издал целую серию книг под стереотипным названием: «*Философия политики*», «*Философия государства и права*», «*Философия культуры*», «*Философия преступления*», «*Философия свободы*». Недавно он выпустил новую книгу — о том, «что естественная эволюция обезьяны в человека невозможна в принципе» (Поздняков 2007: 23). По мнению автора, эволюционисты исходят лишь из внешнего сходства обезьяны и человека: «Однако, каким образом, в соответствии с какими законами природы могла произойти эволюция — ни слова» (там же: 29). Между тем эта «великая тайна» — не тайна и для самих эволюционистов. Как резюмирует петербургский преисторик Л. Б. Вишняцкий:

«На самом деле, однако, эволюционная теория лишь утверждает факт эволюции, или изменчивости органического мира во времени, тогда как относительно причин и механизмов этого процесса существуют самые разные, часто несовместимые в рамках единой теории, точки зрения. Таким образом, хотя эволюционная теория одна, теорий эволюции несколько, и выбор между ними не прост. Тем более он не прост, когда речь идёт о столь специфическом и небезразличном нам всем явлении, как эволюция человека. Соблазн подыскать для него столь же специфическое, необычное объяснение, очень силен. Не кто иной, как сам Ч. Дарвин, “выведший” обезьяну “в люди”, признавался в одном из писем: “Никак не могу взирать на эту чудесную Вселенную и особенно на природу человека и довольствоваться заключением, что всё это — результат неразумной силы”» (Вишняцкий 2002: 78).

Этот соблазн и подвигнул Э. А. Позднякова в пику дарвинистам развить идею о внеземном происхождении человечества и религии. Однако подходит он к этому вопросу именно как философ (вспомним список его сочинений) — притом как философ, считающий себя вправе учить учёных, не зная сути их учения. Так, развенчивая эволюционизм, он спорит не столько с Дарвином, сколько с Энгельсом,

который сам-то биологом не был и черпал аргументы из сочинений других авторов: Л. Г. Моргана, А. В. Эспинаса — тоже не биологов. Тем самым спор сразу снижается до уровня кухонной дискуссии по поводу популярной статьи в газете. После всех рассуждений и традиционных выпадов по адресу признанной науки следует, однако, феноменальный вывод:

«Что же касается проблемы происхождения человека, то и здесь не ломайте себе голову: она не стоит того, чтобы волноваться по её поводу. Какая, в конце концов, разница, от кого мы произошли! Если вас утешает мысль, что от обезьяны, — ради бога; от инопланетян — пожалуйста, от самого Господа Бога — на здоровье! Как говаривал незабвенный Аркадий Райкин: “личный покой — прежде всего” <...>. Если мне всё же удалось убедить вас, читатель, что человек ведёт свой род не от обезьяны, что его самые далёкие предки были такие же люди, как и все мы, и никаких других предков не было и не могло быть в принципе, то для меня, как автора, это уже награда. Вроде бы пустяк, но пустяк приятный. Ведь именно из таких пустяков и соткана, в конце концов, короткая и непрочная ткань наших жизненных радостей» (Поздняков 2007: 172—173).

Иными словами, всё сказанное было только игрой пера? А как же с принципиальной для любого автора ценностью — ответственностью за написанное? И с каких пор литераторы, сами же рассматривающие собственное творчество как досуговое упражнение, принимаются в академии, в название которых входит слово «наука»?

Не в том ведь дело, что в эволюционной теории есть спорные места, а в том, что для её противников эти спорные места — единственный аргумент, как отмечает Л. Б. Вишняцкий (2002: 77): «Решающее значение при выборе поэтому приобретает то обстоятельство, что если для первых двух версий — творения и пришествия (они могут и сочетаться между собой) — нет “железных” доказательств не только *contra*, но и *pro*, то в последнем случае дело обстоит иначе. Здесь мы имеем вполне зримые и осязаемые следы того процесса, который, как предполагается, привел к появлению человека, то есть следы эволюции». Свои аргументы вносит американский антрополог Марвин Харрис: весь так называемый «научный креационизм» (по крайней мере в США) — не более чем попытка обойти закон об отделении школы от церкви. Противники эволюции лишь критикуют результаты чужих исследований, но сами ничего не исследуют (Harris 1987: 37—42).

Не будем анализировать все эти построения на предмет сходства с «Мифом XX века». Из названных авторов одни настолько далеки от настоящей науки, что для спора нет ни повода, ни почвы. В нашу тему не входят авторы, претендующие не на научность (или хотя бы её видимость), а на роль новых пророков, вроде Савонаролы или «Марии Дэви». Ими занимаются общественные организации, пресса, в случае конфликта с законом — полиция, суд, и очень часто — психиатрия. Подлинная проблема — учёные (а чаще люди, считающие себя таковыми), творящие исторические мифы в святой уверенности, что это и есть наука.

Другие уже получили справедливую оценку серьёзных историков. Так, развенчанию «новой хронологии» посвящены сборники «История и антиистория: критика “новой хронологии” академика А. Т. Фоменко» (М.: «Языки русской культуры», 2000; 2-е дополненное изд. — 2001), «Антифоменко» (сб. Русского исторического общества, 2000, и целая серия в издательстве «Русская панорама») и ряд других работ.

Третьи просто мало кому известны, незачем их популяризировать лишний раз. Четвёртые не имеют отношения к нашей теме. Например, у Е. П. Блаватской есть и «арийская раса», и Атлантида, а у её последователей — даже и Шамбала, однако нет других компонентов расистского мифа. Поскольку расисты были плагиаторами, поскольку они обворовывали многих авторов, нет смысла искать, у кого совпадает хоть одно ключевое слово.

Не будем рассматривать мифы классического национализма XIX века — автхтонистские или миграционистские. На эту тему уже существует обширная литература. Равным образом не будем говорить и о тех чисто идеологических мифах, в которые в СССР нередко превращали марксизм. Само учение К. Маркса — глубоко рационалистическое. При этом К. Маркс и Ф. Энгельс не «ниспровергали» науку своего времени, а напротив, опирались на её достижения и в то же время смогли создать научную методологию, долго и успешно соперничавшую с позитивизмом (см. подробнее: Мосионжик 2011: 56—64). Что же до питомцев сталинской и сусловской выучки — чиновников от науки, пытавшихся «марксистский базис под жакетку подвести» и портивших кровь подлинным историкам (в том числе и историкам-марксистам), то у них нет идей, с которыми стоило бы спорить. И даже западная марксистская мысль с 1960-х годов двигалась вперёд без помощи советских идеологических работников, а то и в острой борьбе с ними (вспомним дискуссию об «азиатском способе производства», начатую французскими историками-марксистами М. Годелье и Ж. Сюре-Каналем). Хотя надо признать: тот стиль мышления, который эти идеологические работники насадили в СССР, — начётнический, ориентированный не на поиск научной истины, а только на политический заказ, — после их ухода облегчил расцвет псевдонаучной мифологии.

Но есть среди этих концепций одна, мимо которой молча пройти нельзя — в силу как её глубокой разработанности, так и популярности в современных странах СНГ. Это — историческая концепция Л. Н. Гумилёва.

II.3. Л. Н. Гумилёв и споры вокруг его трудов

Ни сам этот автор, ни его основные идеи не нуждаются в длинном представлении. Лев Николаевич Гумилёв — сын двух поэтов (Николая Гумилёва и Анны Ахматовой) и сам поэт, едва ли не последний питомец русского Серебряного века. Советской властью он, мягко говоря, не был обласкан. Как «член семьи врага народа» (ЧСВН, как тогда сокращали), он долгие годы провёл в ГУЛАГе. Сидел, как сам горько шутил, «один раз за папу, один раз за маму...» Обстановку, в которой этот человек делал первые шаги в науке, позволяют представить такие эпизоды. В 1946 г., после лагеря, а затем — армии, Л. Н. Гумилёв защищал в ЛГУ дипломную работу. Р. Ш. Ганелин вспоминает «особенно поразивший меня отзыв А. Н. Бернштама о работе Л. Н. Гумилёва <...>. Бернштам был решительно не согласен с его работой, но дал ей высочайшую оценку». Примерно через два года последовала кандидатская диссертация — позже, спустя двадцать лет, когда Р. Ш. Ганелин спросил Н. Г. Сладкевича, «каким образом стали возможны эти две защиты» (Гумилёва и Л. Эльковича, тоже ЧСВН), собеседник «сообщил, что устроил дело Молотов». А вскоре после защиты Л. Н. Гумилёв получил третий лагерный срок (Ганелин 2006: 59), причём считал, что обязан этим тому же А. Н. Бернштаму (Клейн 2010: 72).